

DOI: 10.25178/nit.2024.2.2

Статья

Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах)

Юлия А. Петрушевская

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь,

Олеся В. Лазарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются общие и специфические черты в образной семантике пословиц тувинского и белорусского языков в аспекте выявления универсалий и уникалий в пословичных образах. Материалом исследования послужили издания тувинских и белорусских пословиц.

Установлено, что пословичная образность реализуется на основе, во-первых, семантической двуплановости, а во-вторых, экспрессивности и изобразительности. Наиболее значимыми образами в пословицах обоих языков являются социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем). Вместе с тем распределение пословичных образов в каждом из языков не совпадает ни по их ранжированию, ни по составу. В тувинских пословицах преобладают в порядке уменьшения значимости в пословичной семантике образы социальные, фаунистические, соматические, предметные, природные, фитонимические; в белорусских пословицах — социальные, фаунистические, предметные, природные, соматические, фитонимические образы. Состав пословичных образов каждой группы специфичен для разных языков, однако различия проявляются более всего в количественном плане. Общность качественного характера имеет место для сравнительно небольшого числа пословичных образов универсальной природы. Распределение образов в пословицах двух языков репрезентирует специфику категоризации действительности в этнической картине мира тувинского и белорусского народов.

Ключевые слова: паремиялогия; пословица; семантика; образность; межъязыковое сопоставление; тувинский язык; белорусский язык

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20231303 (Республика Беларусь); публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультязычного терминологического словаря» (Российская Федерация).

Для цитирования:

Петрушевская Ю. А., Лазарева О. В. Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 24-39. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2>

Петрушевская Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Эл. адрес: petrushevskaja@msu.by

Лазарева Олеся Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: lazareva-ov@rudn.ru

Article

Imagery in Tuvan and Belarusian proverbs (in search of common and specific proverbial images)

Yuliya A. Petrushevskaya

Mogilev State A. Kuleshov University, Republic of Belarus,

Olesya V. Lazareva

RUDN University, Russian Federation

The article examines the common and specific features of the figurative semantics of proverbs in the Tuvan and Belarusian languages, with a focus on identifying universal and unique aspects of proverbial imagery. Publications of proverbs from both languages serve as the basis for the research. It has been established that proverbial imagery is based on, firstly, semantic ambiguity and, secondly, expressiveness and figurativeness. The most significant images in proverbs from both languages are social (the world of individuals and society in their interaction), somatic (human physical nature), objective (things created by human labor), natural (inanimate nature), and faunal (living beings and their communities).

At the same time, the distribution of images in proverbs does not coincide in terms of their ranking or composition between the two languages. In Tuvan proverbs, social, faunal, somatic, objective, and natural images are more prevalent, while phytonymic images are less common. In Belarusian proverbs, the order is social, faunal, objective, natural, somatic and phytonymic. The composition of proverb images in each group is unique to different languages. However, the differences between them are most evident in quantitative terms. There are only a few proverb images that have a universal quality. These images represent the general characteristics of reality in the ethnic worldview of the Tuvan and Belarusian people.

The distribution of images in proverbs in the two languages reflects the specific way each ethnic group categorizes reality.

Keywords: paremiology; proverb; semantics; imagery; interlanguage comparison; Tuvan language; Belarusian language

Financing

The research was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research, scientific project No. 20231303 (Republic of Belarus); the publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238-1 "Multilingual terminological dictionary model» (Russian Federation).

For citation:

Petrushevskaya Yu. A. and Lazareva O. V. Imagery in Tuvan and Belarusian proverbs (in search of common and specific proverbial images). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 24-39 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2>

PETRUSHEVSKAYA, Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Email: petrushevskaya@msu.by

[ORCID ID: 0000-0002-7855-8309](https://orcid.org/0000-0002-7855-8309)

LAZAREVA Olesya Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Email: lazareva-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1227-4493](https://orcid.org/0000-0002-1227-4493)

Введение

Семантика тувинских пословиц и поговорок в последнее время стала предметом активных исследований на фоне других языков в самых разных аспектах: лингвокультурологическом (Бытотова, 2020; Ломакина, 2022; Монгуш, 2023), этнолингвистическом (Марфина, Шкуран, 2022), лингвоаксиологическом (Нелюбова, 2022а; 2023), лингвокогнитивном (Иванов, 2022ab; Колесникова, 2022), контрастивном (Зиновьева, Алёшин, 2023), типологическом (Иванищева, Мэнцзе, 2021; Петрушевская, 2023). При этом достаточно часто предметом исследования выступает образная семантика тувинских пословиц, однако непосредственному сравнению пословичных образов в тувинском языке и других языках посвящено не более десятка статей (Байжанова, 2004; Болат-оол, Пелевина, 2017; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Нелюбова, 2022b; Варламова и др., 2023; Николаева и др., 2023; и др.¹). Сопоставление образной семантики тувинских и белорусских пословиц проводилось лишь однажды в рамках сравнительного анализа тувинского и белорусского пословичных фондов (Петрушевская, 2022b: 253–256). Образы в пословицах тувинского и белорусского языка никогда не были предметом специального исследования.

Образность тувинских пословиц достаточно неплохо исследована в дескриптивном плане. Особенности использования природных и социальных образов в паремиях последовательно описываются Г. Н. Курбатским в его фундаментальном труде «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001). Образная семантика в пословицах тувинского языка анализируется при изучении особенностей отражения в них гендерных стереотипов (Лопсан, 2022), контраста и бинарных структур (Селиверстова, 2022), групп номинаций и отдельных концептов (Кужугет и др., 2019; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Сувандии, 2023) и др.

Образный план белорусских пословиц глубоко и всесторонне описан в ряде основополагающих исследований особенностей языка и поэтики паремий белорусского языка (Янкоўскі, 1971; Лепешаў, 2006; Иваноў, 2017). Выявлены общие характеристики национально-культурного своеобразия и языковой специфики образной семантики белорусских пословиц на фоне основных европейских языков (Петрушэўская, 2021). Установлены параметры плана содержания пословиц белорусского языка (Иваноў, Петрушэўская, 2021, 2022). Отдельное внимание в новейших сопоставительных исследованиях пословиц белорусского и других языков отводится анализу образной семантики (Петрушевская, 2022а: 501–502), а также лексических компонентов как репрезентантов пословичных образов (Петрушевская, 2024: 239–240).

Актуальность исследования заключается в том, что сравнение образов в тувинских и белорусских пословицах позволит не только выявить и описать образные параллели в пословичных фондах, но и установить типологически значимые сходства и различия в образной семантике пословиц двух языков, что представляется еще одним шагом в решении проблемы определения универсалий и уникалий в пословичной образности тюркских и славянских языков.

Цель исследования — выявить общие и специфические черты в образной семантике пословиц тувинского и белорусского языков в аспекте языковой типологии.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц² и свыше 14 000 белорусских пословиц³. Помимо этого, с целью верификации типологической значимости некоторых пословичных образов также привлекались для анализа пословицы из других языков по

¹ Также см.: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21.

² Пословицы отобраны с помощью сплошной выборки из сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. Также учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

³ Основным материалом для сопоставления послужили свыше 12000 белорусских пословиц и поговорок, зафиксированных в сборнике: Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976 (На белорус. яз.). Помимо этого было проанализировано около 2000 белорусских пословиц и поговорок литературного и библейского происхождения по материалам изданий: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А.

материалам белорусско-иностранноязычных¹ и полилингвальных паремиологических словарей², а также паремиографических источников русского языка³.

Методологической базой исследования послужили основные положения теории пословицы как фразовых текстов (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021) и как афористических единиц языка (Иванов, 2019ab, 2020, 2022cd), теории сравнительной типологии пословиц (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021), теории национальной специфичности пословичных фондов генетических, ареально и типологически далеких языков (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022).

Сопоставление пословиц осуществлялось в направлении от тувинского к белорусскому языку. В качестве *tertium comparationis*⁴ при межъязыковом сравнении выступили общие для двух генетически, типологически и ареально далеких языков представления о семиотической сущности и плане содержания пословиц, языковой образности и особенностях ее реализации в пословицах, роли и месте образов в семантике и структуре пословиц.

Типологически значимые параметры пословичной образности

Пословичная образность, как известно, реализуется в двух видах, что соответствуют двум аспектам существования и понимания пословицы как единицы языка и как фразового текста и является типологически значимым при межъязыковом сопоставлении образной семантики единиц национальных пословичных фондов.

Первый вид реализации пословичной образности предполагает наличие в пословице двух семантических планов, «когда представление об одном фрагменте действительности (предмете, явлении, событии, ситуации и т. д.) передается в речи через называние иного фрагмента действительности (предмета, явления, события, ситуации и т. д.)» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240). Пословичный образ выступает здесь прототипом обобщенного значения пословицы как языковой единицы и связан с ним ассоциативными отношениями на основе аналогии.

Так, в тувинской пословице *Кокпага киргенде, койгун чүгүрүк, Коданга киргенде, ыт ээрги* 'Заяц по знакомой тропе быстрее бежит, Собака в своем дворе громче лает'⁵ сообщается не о зайце и собаке и их повадках; с помощью образов животных передается мысль о том, что человек те или иные свои

Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011 (На беларус. яз.); Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997 (На беларус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1. З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2004 (На беларус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2. З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. В. Чэх. Магілёў: МДУ, 2006 (На беларус. яз.); Иваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011 (На беларус. яз.); Лепта біблейскай мудрасці: біблейскія крылатыя выражэнні і афарызмы на руском, англійском, беларуском, немецком, словацком і украінском мовах / сост. Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжынович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. Могилёв: МГУ, 2014.

¹ См.: Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. Магілёў: МДУ, 2009 (На беларус. яз.); Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006 (На беларус. яз.); Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007; Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001; Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007 (На беларус. яз.).

² См.: Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997 (На англ. яз.); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000; Лепта біблейскай мудрасці: русско-славянский словарь біблейскіх выражэнні і афарызмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова и др. Могилёв: МГУ, 2019.

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

⁴ *Tertium comparationis* (лат.) — третий член сравнения, наличие общих оснований для межъязыкового сопоставления тех или иных единиц разных языков.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 34.

качества, способности, возможности и т. п. реализует более эффективно в привычных для себя условиях. В таких случаях, как отмечал Г. Н. Курбатский, «при описании пословиц и поговорок подчас приходится, абстрагируясь от главного, обобщенно-метафорического содержания, принимать во внимание, прежде всего, их первоначальный, буквальный, реалистически конкретный смысл» (Курбатский, 2001: 344).

В белорусской пословице *Відаць пана па халявах* 'Видно дворянина по его сапогам'¹ говорится не об одежде дворян; данная пословица употребляется в значении «узнать, что за человек кто-либо, всегда очень просто по его манере жить»², поскольку она обязана своим возникновением ряду исторических фактов, на которых основан пословичный образ. Во-первых, «в Беларуси XVI–XVIII вв. дворяне ходили в цветных сафьяновых сапогах, которые после них донашивали их слуги, пришивая к цветным голенищам черные головки и задники и тем самым выделяясь среди прочих простых людей»³, во-вторых, многие мелкопоместные дворяне того времени делали то же самое, тем самым выдавая свою бедность либо скупость (новые цветные сапоги стоили очень дорого), и в-третьих, «мещане нередко носили сапоги с цветными голенищами, нарушая этим нормы *leges sumptuariae*⁴, предписывающие им носить только серые либо черные сапоги» (Иванов, 2000: 96–97).

Второй вид реализации пословичной образности предполагает только один семантический план в пословице, когда образ в ней, как и в любом народнопоэтическом тексте, «отождествляется с экспрессивностью и может передаваться с помощью различных средств выразительности» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240). Под образностью здесь понимается само по себе «наличие изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, картинности при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой единицей», когда «образ помогает представить обозначаемое на базе других явлений действительности, в конкретном выраженном сопоставлении с ними, что способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом»⁵. Пословичный образ выступает в данном случае стилистическим средством в пословице как фразовом тексте, которое участвует в формировании ее обобщенного содержания.

Так, в тувинской пословице *Алышкылар ынаа Хая-даштан артык* 'Любовь братьев Крепче скалы'⁶ нерушимость взаимной любви родных братьев друг к другу выражается с помощью использования образа скалы (сила братской любви уподобляется твердости скалы).

В другой тувинской пословице *Кижы экизи — хүн, Кижы багы — чылан* 'Добрый человек — как солнце, Злой человек — как змея' доброта и злоба как качества человека прямо сравниваются с солнцем и змеей, образы которых не только помогают наглядно представить проявление добра и зла, но и с большей экспрессией их противопоставить.

В белорусской пословице *Праўду і ў полымі не спаліць, і ў вадзе не ўтаніць* 'Правду и в огне не сжечь, и в воде не утопить'⁷ несокрушимость истины передается с помощью обращения к архетипическим образам огня и воды, испытание одновременно которыми не может выдержать ни одно живое существо (это значит, как утверждается в пословице, что истина существует независимо от людей, которые не только не смогут ее уничтожить, но и смогут ее сохранить, даже погибнув сами).

Еще в одной белорусской пословице *Старая дзеўка, як дзіравы кажух, — адзін дух* 'Старая дева, как дырявый кожух, — один дух'⁸ состарившаяся незамужняя женщина прямо сравнивается с дырявой одеждой на основе ряда общих свойств: во-первых, их обоюдной непригодности к использованию (соответственно, для любовных отношений в браке, поскольку «старая», и для ношения в холодную

¹ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. С. 301.

² Иванова С. Ф., Иванов Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 51.

³ Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. С. 294. (На беларус. яз.)

⁴ *Leges sumptuariae* (лат.) — «сумптуарные законы», направленные против излишней роскоши, как правило, в одежде, обстановке, еде и др., были широко распространены в древних и средневековых социумах, частично применялись в европейских государствах и позже (в XVI–XVIII вв.).

⁵ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 247.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 15.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 433.

⁸ Там же. С. 18.

погоду, поскольку «дырявая»), а во-вторых, сохранения у них только несущественных признаков (на основе метафоры «дух», которая понимается, соответственно, как «душа», поскольку у стареющей женщины остается ее внутренний мир, которого недостаточно для жизни в браке, и как «запах», поскольку всякий кожаный из овчины специфически пахнет, даже дырявый и непригодный к носке).

Исследование показало, что пословица образности первого типа (на основе семантической двухплановости) присуща 7% тувинских и около 18% белорусских пословиц (здесь и далее — от количества проанализированных единиц). В свою очередь, пословица образности второго типа (на основе экспрессивности и изобразительности) присуща 93% тувинских и 82% белорусских пословиц. Это означает, что переосмысление содержания пословицы на основе образной семантики присутствует примерно лишь в каждой четырнадцатой тувинской пословице, но почти в каждой седьмой белорусской пословице (от общего количества единиц с образной семантикой в пословичных фондах данных языков).

Показатели характера пословиц образности позволяют определить типологическую близость / отдаленность пословиц разных языков по типу образной семантики. Так, по нашим подсчетам, пословицы тувинского языка оказываются ближе по данному критерию к английским пословицам, у которых также малочисленна семантическая двухплановость на основе образности (11%)¹, а белорусские пословицы близки по этому показателю пословицам близкородственного и территориально общего русского языка (около 20%)², а также генетически и ареально близким польскому языку (23%)³ и чешскому языку (24%)⁴, а кроме этого, еще и немецкому языку (26%)⁵, оказавшему, как известно, заметное влияние на пословичные фонды восточнославянских и западнославянских языков.

Реализация пословиц образности в двухчастных пословицах

Пословица образности имеет особенную значимость и приобретает специфическую реализацию в плане содержания двухчастных по структуре пословиц, которые есть как в тувинском и белорусском языках, так и во всех языках мира (двухчастная структура пословицы является, как известно, одной из языковых универсалий). Глубина межъязыковых различий пословиц образности в двухчастных пословицах детерминирована теми или иными особенностями таких пословиц в каждом языке.

Так, большинство проанализированных тувинских пословиц (примерно 85%) основано, по определению Г. Н. Курбатского, «на прямом двучленном психологическом параллелизме» (Курбатский, 2001: 343). Всего в этой связи можно выделить три основных типа использования пословиц образности.

В первом случае обе композиционные части пословицы содержат пословичные образы, тождественны по значению, однако одна из них имеет прямой смысл, а другая — переносный на основе образного переосмысления. Например, *Тенектиң сөзү анчыг, Теректиң бүрүзү ажыг*⁶ «У глупца слова противны, У тополя листья горьки»⁷, где первая композиционная часть пословицы в образной форме выражает смысл второй части, и без нее может интерпретироваться по-иному. «Подлинный, обобщающий смысл первая часть пословицы приобретает только в сочетании со второй» (там же: 344).

¹ По материалам словаря: Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009.

² По материалам словарей: Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилёв: Брама, 2001; Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007.

³ По материалам словаря: Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007.

⁴ По материалам словарей: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2000; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.

⁵ По материалам словаря: Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006. С.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 51.

⁷ Здесь дается более точная версия перевода (с буквальным соответствием порядка следования композиционных частей в тувинской пословице и в ее переводе на русский язык), чем в сборнике: Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 51.

Во втором случае, обе композиционные части пословицы содержат пословичные образы, не тождественны по значению, имеют прямой смысл, однако неравны по своей значимости в рамках общего пословичного смысла, который формируется на основании содержания только одной из частей, тогда как другая часть выступает в качестве дополнительной ассоциации, аргумента, иллюстрации и др. Например, *Шоочадан быжыг эт чок, Шоваадан шынчы эш чок* 'Надежнее замка запора нет, Надежней друга человека нет'¹, где вторая часть с образом друга является содержательно доминирующей, а первая часть с образом домашней утвари используется в аргументативной функции, при этом обе композиционные части могут интерпретироваться безотносительно друг друга, т. е. «в содержательном плане относительно самостоятельны и вполне могут рассматриваться отдельно, порознь» (там же: 345).

В третьем случае, только одна из композиционных частей пословицы содержит пословичные образы, при этом обе части не тождественны по значению, имеют прямой смысл. Например, *Кижил олур, Алдар олбес* 'Человек смертен, Слава бессмертна'², где первая часть содержит образ человека и семантически и семиотически зависима от второй части, поскольку имеет «трюистическое содержание», т. е. «предназначена для фиксации и сохранения наиболее очевидных и общеизвестных в рамках традиционной картины мира представлений о действительности» (Иванов, 2022а: 325–326) и не может употребляться самостоятельно в прямом смысле. «Трюистические пословицы всегда имеют переносный смысл. Будучи употребленными в прямом значении трюистические пословицы тут же утрачивают присущую всем пословицам как фольклорному жанру эпистемологическую значимость (и начинают восприниматься как высказывания, лишённые коммуникативной цели, избыточные или даже бессмысленные в данной речевой ситуации)» (Иванов, 2023: 1161–1162).

В белорусском языке также немало двухчастных пословиц (около 10%), однако в большинстве из них структурные части семантически связаны и не имеют самостоятельного содержания (часто синтаксически связаны союзной и/или присловной связью), поэтому такие пословицы воспринимаются как единая синтаксическая конструкция (что характерно для славянских языков³ и других европейских языков различных языковых групп индоевропейской языковой семьи⁴). Например, *Добраму чалавечку добра і ў запечку, а якой благаце дрэнна і на куце* 'Хорошему человечку хорошо и за печкой, а дрянному человечку плохо на печке' (употребляется в значении «Удовлетворение или неудовлетворение человека собственной жизнью зависит прежде всего от того, как он сам к ней относится»⁵; *Наперад не вытыкайся, пазаду не заставайся* 'Вперед не вырывайся, позади не оставайся'⁶; *Палавіна свету скача, а палавіна свету плача* 'Половина мира танцует, половина мира горюет'⁷ (употребляется в значении «Одним хорошо, другим плохо»); *Як няма рыбы без косці, так і няма чалавека без злосці* 'Как не бывает рыбы без кости, так не бывает и человека без злости'⁸ и т. п. При этом почти для всех таких пословиц характерна образная семантика как в одном, так и во втором своем проявлении.

В тувинском языке двухчастные пословицы такого типа встречаются достаточно редко (не более 5% от количества проанализированных единиц), например, *Багын сөглээрге — Бачыды арлыр* 'Правду расскажешь — Совість очистишь'⁹; *Даартагы чагдан Бөгүнгү өкпө дээр* 'Лучше сегодня — ливер, Чем завтра — сало'¹⁰; *Даг дег караны Довук дег ак базар* 'Правда с ноготок Гору лжи победит'¹¹; *Сагышта чорза-даа, Салым хоржок* 'Желание есть большое, Да таланта нет'¹² и т. п. При этом, как можно видеть, примерно только половине из них присуща образная семантика.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 72.

² Там же. С. 33.

³ См.: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000.

⁴ См.: Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.

⁵ Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 65.

⁶ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 462.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. С. 431.

⁸ Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. С. 625.

⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 19.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 48.

В свою очередь, в белорусском языке часть пословиц (примерно 2%) имеет такое же композиционное построение, как и большинство тувинских, а соотношению содержания частей у таких белорусских паремий вполне может быть квалифицировано как свойственный тувинским пословицам «прямой двучленный психологический параллелизм», при котором в разных ее частях сближаются «образы природные и социальные» (Курбатский, 2001: 343), например: *Каню хваста не вяжы, а бабе праўды не кажы* 'Коню хвост не завязывай, женщине правду не рассказывай'¹; *Карову б'юць за зык, а бабу за язык* 'Корову бьют за непослушание, женщину — за язык'²; *Млын меле — мука будзе, язык меле — бяда будзе* 'Мельница мелет — мука будет, язык мелет — беда будет'³; *Рукі набрудзіш — вадою памыееш, душу забрудзіш — мылам не адмыееш* 'Руки испачкаешь — водой отмоешь, душу загрязнишь — мылом не отмоешь'⁴ и т. п.

Весьма симптоматично, что даже у небольшого количества двухчастных белорусских пословиц, аналогичных по своему композиционному построению тувинским паремиям, можно обнаружить все три основные разновидности использования пословичной образности, характерных для таких пословиц в тувинском языке.

Так, в белорусском языке обе композиционные части пословицы могут содержать пословичные образы, быть тождественными по значению, при этом одна из частей может иметь прямой смысл, а другая — переносный на основе образного переосмысления (аналогично первому типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Не кручаны — не рамень, не вучаны — не чалавек* 'Не перекручен — не ремень, не научен — не человек'⁵, где первая часть с образом ремня переосмыслена и в переносном смысле тождественна прямому значению второй части с образом человека.

В белорусском языке обе композиционные части пословицы могут содержать пословичные образы, не тождественны по значению, иметь прямой смысл, быть неравными по своей значимости в рамках общего пословичного смысла, который формируется на основании содержания только одной из частей, тогда как другая часть используется как дополнительная ассоциация, аргумент, иллюстрация и др. (аналогично второму типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Нявестка не дачушка — сяннік не падушка* 'Невестка не дочушка — набитый сеном мешок не подушка'⁶, где первая часть с образами невестки и дочери содержательно доминирует в пословице, а вторая часть с образами мешка с сеном и подушка имеет иное значение и выполняет роль аргумента, доказывая истинность содержания первой части.

В белорусском языке только одна из композиционных частей пословицы может содержать пословичные образы, при этом обе ее части будут иметь прямой смысл и не будут тождественными по значению (аналогично третьему типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Гарэлка горка, ды яе п'юць, замужам нядобра, ды ідуць* 'Водка горькая, но ее пьют, замужем плохо, но идут'⁷, где только первая часть имеет образную семантику (содержит образ водки), отличное от второй части переносное значение, однако семиотически и семантически зависима от нее, поскольку характеризуется трюистическим содержанием (не имеет самостоятельной эпистемологической значимости в своем прямом смысле).

Наличие в пословичном фонде белорусском языке единиц, аналогичных по композиционному построению тувинским пословицам, свидетельствует о том, что феномен «прямого двучленного психологического параллелизма» (там же: 343) обладает признаком универсальности, поскольку фиксируется в нетождественных по лексико-грамматической организации и в некоррелятивных по семантике пословицах двух генетически, типологически и ареально далеких языков. Универсальными на этом же основании можно считать и типы образной семантики в пословицах такого композиционного построения.

¹ Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. С. 267.

² Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 81.

³ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 390.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 16.

Вместе с тем существенное различие в количественных показателях двухчастных образных пословиц с «прямым двучленным психологическим параллелизмом» в тувинском и в белорусском языках (соответственно, 85% и 2%, т. е. в соотношении примерно 40/1) позволяет утверждать, что характер реализации образной семантики в двухчастных пословицах непосредственно обусловлен спецификой их композиционного построения в разных языках.

Тематические группы пословичных образов

Образы в пословицах выполняют разные функции, основной из которых является репрезентативная — обозначение внеязыковой действительности. Совокупность образов, содержащихся в пословицах данного языка, репрезентирует номинацию и категоризацию действительности в рамках пословичной картины мира данного народа. В этой связи значимым как в описательном, так и в сопоставительном плане является установление и ранжирование основных тематических групп пословичных образов.

В результате сопоставительно-типологического анализа тувинских и белорусских пословиц установлено, что пословичные образы в обоих языках дифференцируются на шесть основных тематических групп: социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем). Распределение в каждом из языков пословичных образов не совпадает ни по ранжированию, ни по составу их тематических групп.

Исследование показало, что в проанализированном фонде тувинских пословиц тематические группы образов ранжированы в следующем порядке (по уменьшению степени их количественной представленности): социальные (31%), фаунистические (24%), соматические (18%), предметные (13%), природные (9%), фитонимические (5%).

Социальная образность в пословицах тувинского языка (31%) прежде всего представлена образом *кижи* 'человек', а также рядом следующих образов (по степени уменьшения продуктивности), выраженных прямыми номинациями кровного родства, различий людей по полу, возрасту, роду занятий, социальному статусу, качествам личности и др., названиями реалий устройства и жизни социума, социальных взаимоотношений и др.: *ада* 'отец', *ава* 'мать', *өңнүк, өң, эш* 'друг', *бай* 'богач', *оглу* 'сын', *уруг* 'дочь', *бичиш, чаш* 'ребенок', *чон* 'народ', *аал* 'селение', *оол* 'мальчик', *кыс* 'девочка', *төрел* 'родня', *чалгаа* 'ленивый', *харам* 'скупой', *хаан* 'хан', *лама* 'лама', *чазый, чилби* 'обжора', *аалчы* 'гость', *чаа* 'война', *шош, чогуш* 'драка', *кадай* 'жена', *дүжүмет* 'чиновник', *акый, дуңмай* 'брат старший, младший', *угба, дуңма* 'сестра старшая, младшая', *ашак* 'старик', *нойон* 'чиновник, князь', *кортук кижы* 'трус', *оор, ооржу кижы* 'вор', *аңчы* 'охотник', *күдээ* 'зять', *каты* 'тесть', *кат-ие* 'теща' и др.

Фаунистическая образность в тувинских пословицах (24%) передана следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями самых различных животных (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 51): *аът* 'конь, лошадь, мерин', *ыт* 'собака', *мал* 'скот', *куш* 'птица', *кулун* 'жеребёнок', *теве* 'верблюд', *хой* 'овца, баран', *бөрү* 'волк', *өшкү* 'коза', *инек* 'корова', *сааскан* 'сорока', *анай* 'козлёнок', *киш* 'соболь', *күске* 'мышь', *мал* 'конь', *аң* 'зверь', *аскыр* 'жеребец', *буга* 'бык', *каарган* 'ворона', *балык* 'рыба', *байлаң* 'малёк рыбы', *бызаа* 'телёнок', *кускун* 'ворон', *торга* 'дятел', *тоолай* 'кролик, заяц' и др.

Соматическая образность в пословицах тувинского языка (18%) представлена рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), выраженных прямыми номинациями частей тела и внутренних органов человека: *карак* 'глаз', *бут* 'нога', *хол* 'рука', *баш* 'голова', *арын, шырай* 'лицо', *салаа* 'палец', *кулак* 'ухо', *аас* 'рот', *хан* 'кровь', *чүрек* 'сердце', *дыл* 'язык', *хырын* 'живот', *хөрөк* 'грудь', *хавак* 'лоб', *думчук* 'нос', *эгин* 'плечо', *дүк* 'волос', *сөөк* 'кость', *диш* 'зуб', *баар* 'печень', *эргек* 'большой палец' и др.

Предметная образность в тувинских пословицах (13%) представлена рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных реалий кочевого быта, домашнего обихода, гастрономии, одежды, хозяйства, занятий, промыслов, торговли и др.: *өг* 'юрта', *бижек* 'нож', *эзер* 'седло', *ине* 'игла', *аргамчы* 'аркан', *кидис* 'кошма', *арага* 'водка', *эът* 'мясо', *чаг* 'сало', *алдын* 'золото', *көгээржик* 'фляжка кожаная', *идик* 'сапог', *эдек* 'подол',

мөңгүн 'серебро', *аяк*, *паш* 'чаша', *тараа* 'хлеб, зерно', *дашка* 'чарка, чашка', *даңза* 'трубка курительная', *хачы* 'ножницы', *боо* 'ружьё', *хендир*, *чеп* 'верёвка', *балды* 'топор', *сүт* 'молоко', *акша* 'деньги' и др.

Природная образность в пословицах тувинского языка (9%) передана следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных объектов и явлений неживой природы (включая): *суг* 'вода', *даг* 'гора', *от* 'огонь', *чер* 'земля', *орук* 'дорога', *хүн* 'солнце', *арт* 'перевал', *далай* 'море', *дүн* 'ночь', *эртен* 'утро', *хүн* 'день', *чаашкын* 'дождь', *хат* 'ветер', *уя* 'гнездо', *хем* 'река', *шөл* 'поле', *ай* 'луна', *туман* 'туман', *хөл* 'озеро', *хая* 'скала', *даш* 'камень', *дээр* 'небо', *үер* 'половодье' и др.

Фитонимическая образность в тувинских пословицах (5%) представлена сравнительно небольшим рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных растений, их видов и систем: *ыяш* 'дерево', *арыг* 'лес', *сиген*, *овт* 'трава', *таңды* 'тайга высокогорная', *чечек* 'цветок', *каңмыыл* 'перекати-поле', *терек* 'тополь', *үңүш* 'растение', *шиви* 'ель' и др.

В свою очередь, в пословичном фонде белорусского языка, как показало исследование¹, тематические группы образов ранжированы уже несколько иначе в следующем порядке (по уменьшению степени их количественной представленности): социальные (36%), фаунистические (21%), предметные (17%), природные (13%), соматические (11%), фитонимические (2%).

Социальная образность в белорусских пословицах (36%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *чалавек*, *людзі* 'человек, люди', *пан* 'помещик, дворянин', *дурань* 'дурак', *баба* 'женщина', *бацька* 'отец', *дзіця* 'ребенок', *гаспадар* 'хозяин', *гаспадыня* 'хозяйка', *стары*, *старац* 'старый', *дзеўка*, *дзеўчына* 'девушка, девочка', *госць* 'гость', *голы* 'бедный', *дачка* 'дочь', *вайна* 'война', *жонка* 'жена', *чужы* 'чужой', *сын* 'сын', *сірата* 'сирота', *бойка* 'драка', *друг* 'друг', *злодзей* 'вор', *кірмаш* 'ярмарка', *цешица* 'теща', *кум* 'крестный отец', *кума* 'крестная мать', *матка*, *маці* 'мать', *муж*, *мужык* 'муж', *мужык* 'крестьянин', *музыка* 'музыкант', *поп* 'священник', *разумны* 'умный', *радня*, *род* 'родня', *сусед* 'сосед', *брат* 'брат', *айчыым* 'отчим', *бедны* 'бедный', *вяселле* 'свадьба', *гультай* 'лентяй', *доктар* 'врач', *зяць* 'зять', *удава* 'вдова', *няўмека* 'неумельный', *салдат* 'солдат' и др.

Фаунистическая образность в пословицах белорусского языка (21%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *конь* 'конь', *сабака* 'собака', *варона* 'ворона', *воўк* 'волк', *кабыла* 'кобыла', *каток*, *кот* 'кот', *котка*, кошка 'кошка', *птушка* 'птица', *рыба* 'рыба', *свіння* 'свинья', *арол* 'орел', *бык* 'бык', *верабей* 'воробей', *вол* 'вол', *бабёр* 'бобр', *заяц* 'заяц', *каза* 'коза', *карова* 'корова', *курыца* 'курица', *мыш* 'мышь', *парася* 'поросенок', *певень* 'петух', *рак* 'рак', *сава* 'сова', *сарока* 'сорока', *вош* 'вошь', *аўца* 'овца', *гадзюка* 'гадюка', *гусь* 'гусь', *звер* 'зверь', *зязюля* 'кукушка', *камар* 'комар', *муха* 'муха', *салавей* 'соловей' и др.

Предметная образность в белорусских пословицах (17%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *грошы* 'деньги', *каша* 'каша', *кій*, *палка* 'палка', *хата* 'изба', *хлеб* 'хлеб', *кут* 'красный угол в избе', *лапаць* 'лапоть', *воз*, *калёсы* 'телега', *адзенне*, *адзежа* 'одежда', *вяроўка* 'веревка', *гаршчок* 'горшок', *гарэлка* 'водка', *дом* 'дом', *кажух* 'кожух', *лыжка* 'ложка', *мех*, *мяшок* 'мешок', *сані* 'сани', *печ* 'печь', *бот* 'сапог', *бочка* 'бочка', *брытва* 'бритва', *гуж* 'гуж', *гумно* 'гумно', *золата* 'золото', *карчма* 'трактир', *каса* 'коса', *чарка* 'чарка', *малако* 'молоко', *меч* 'меч', *мука* 'мука', *рака* 'река' и др.

Природная образность в белорусских пословицах (13%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *вада* 'вода', *дарога* 'дорога', *зямля* 'земля', *агонь* 'огонь', *балота* 'болото', *вецер* 'ветер', *гара* 'гора', *гняздо* 'гнездо', *гром* 'гром', *дождж* 'дождь', *лета* 'лето', *корч*, *пень* 'пень', *сонца* 'солнце', *гной* 'навоз', *камень* 'камень', *мароз* 'мороз', *снег* 'снег' и др.

¹ Квантитативные параметры тематических групп пословичных образов были дополнительно верифицированы на материале 1500 наиболее употребительных пословиц в современном белорусском языке, зафиксированных в следующих изданиях: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011; Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002; Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000.

Соматическая образность в белорусских пословицах (11%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *вока* 'глаз', *галава* 'голова', *нага* 'нога', *рот* 'рот', *рука* 'рука', *язык* 'язык', *сівізна* 'седина', *сэрца* 'сердце', *вусы* 'усы', *вуха* 'ухо', *зуб* 'зуб', *кішка* 'кишка', *лоб* 'лоб', *пуп* 'пуп' и др.

Фитонимическая образность в пословицах белорусского языка (2%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *лес* 'лес', *дрэва* 'дерево', *арэх* 'орех', *вярба* 'верба', *грыб* 'гриб', *крапіва*, *жыгучка* 'крапива' и др.

Типологически значимым при межъязыковом сравнении пословичных образов можно считать, во-первых, список их тематических групп, во-вторых, их ранжирование по количественной представленности, в-третьих, список образов в тематической группе, и в-четвертых, ранжирование образов по их продуктивности внутри каждой тематической групп в разных языках.

В этой связи сопоставление пословичной образности в генетически, типологически и ареально далеких тувинском и белорусском языках показало, что универсальными являются список тематических групп пословичных образов, высокий квантитативный ранг тематических групп «социальные образы» и «фаунистические образы» и низкий квантитативный ранг тематической группы «фитонимические образы», а также высокий ранг продуктивности отдельных образов внутри одной тематической группы (в состав первых пяти по степени продуктивности в обоих языках входят социальные образы человека и бая / пана, соматические образы глаза, головы, руки и ноги, природные образы воды, земли, огня и дороги, фаунистические образы коня и собаки, фитонимический образ дерева).

Уникальными (для данной пары языков) являются ранжирование ряда тематических групп пословичных образов (разные ранги у одних и тех же тематических групп в каждом языке), списки пословичных образов внутри отдельных тематических групп (конкретный состав образов в одной тематической группе в разных языках различается от одной четверти до более половины), распределение по рангу пословичных образов в тематической группе (отдельные образы в составе одной и той же тематической группы имеют различную продуктивность в каждом из языков).

Так, тематическая группа соматических пословичных образов является в тувинском языке третьей по своей количественной представленности в кругу иных групп, а в белорусском только пятой (предпоследней); обладает в тувинском языке списком образов, почти в два раза превышающим по количеству список образов в белорусском языке; имеет в тувинском языке весьма разнообразный состав, достаточно подробно репрезентирующий как внешние части человеческого тела, так и его внутренние органы.

Довольно неожиданным результатом исследования является тот факт, что тематическая группа природных пословичных образов (отражающих мир неживой природы) занимает в тувинском языке только пятое (предпоследнее) место по своей количественной представленности в кругу иных групп (в белорусском — четвертое). В свою очередь, тематическая группа предметных пословичных образов неожиданно оказалась в белорусском языке на третьем месте по количественной представленности среди иных групп (в тувинском — на четвертом).

Такое распределение и наполнение тематических групп пословичных образов в тувинском и белорусском языках можно объяснить ментальными различиями двух народов (спецификой категоризации действительности в традиционной картине мира), а также исторически сложившейся весьма существенной разницей между тувинцами и белорусами в этнокультурном и лингвокультурном плане (традиционном укладе и образе жизни, содержании фольклора и его роли в народной культуре, системе духовных и материальных ценностей и др.).

Заключение

Сопоставление пословичных фондов тувинского и белорусского языков в аспекте выявления различной семантики пословиц позволило установить, во-первых, типологически значимые параметры пословичной образности, во-вторых, особенности реализации пословичной образности в двухчастных пословицах, и в-третьих, тематические группы пословичных образов.

Типологически значимыми свойствами пословичной образности являются, с одной стороны, ее семантическая двухплановость, а с другой стороны, ее экспрессивность и изобразительность, что де-

терминировано двумя аспектам существования и понимания пословиц, соответственно, как единиц языка и как фразовых текстов.

Реализация пословичной образности в двухчастных пословицах имеет специфический характер в тувинском и в белорусском языках, который проявляется в качественном и количественном своеобразии различных типов образной семантики, обусловленной спецификой разных видов пословичной двухчастности (структурной и композиционно-содержательной).

Тематические группы пословичных образов дифференцируются на социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем).

Результаты исследования показали, что распределение пословичных образов по тематическим группам в тувинском и белорусском языках не совпадает ни по ранжированию, ни по составу. В тувинских пословицах преобладают в порядке уменьшения значимости в пословичной семантике образы социальные, фаунистические, соматические, предметные, природные, фитонимические; в белорусских пословицах — социальные, фаунистические, предметные, природные, соматические, фитонимические образы.

Состав пословичных образов каждой группы специфичен для разных языков, однако различия проявляются более всего в количественном плане. Общность качественного характера имеет место для сравнительно небольшого числа пословичных образов универсальной природы. Распределение образов в пословицах двух языков репрезентирует специфику категоризацию действительности в этнической картине мира тувинского и белорусского народов.

Ближайшей перспективой дальнейшего сопоставительного изучения образной семантики тувинских и белорусских пословиц видится, во-первых, более подробный анализ межъязыковых сходств и различий пословичных образов внутри отдельных тематических групп в тувинском и белорусском языках, во-вторых, сравнение парных пословичных образов в плане их комбинаторного потенциала в двух языках, и в-третьих, количественный анализ пословичной образности в тувинском и белорусском языках на широком языковом фоне, что позволит объективно установить типологическую близость / отдаленность образной семантики пословиц как данной пары языков, так и каждого из данных языков по отношению к другим языкам мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Новосибирск: Изд-во НГУ. 236 с. С. 60–72.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремнологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бытогова, Р. С. (2020) Человек и его характеристика в русских и тувинских пословицах и поговорках как отражение национально-ценностных ориентиров в языковой картине мира // Вестник Тувинского государственного университета. Серия 1: Социальные и гуманитарные науки. № 3 (64). С. 22–33.

Варламова, И. Ю., Будильцева, М. Б., Пугачев, И. А., Куулар, Е. М. (2023) Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в паремиях) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванищева, О. Н., Мэнцзе, Лян (2021) Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне/лошади/олене // Человек. Культура. Образование. № 3(41). С. 106–123.

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (4). С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иваноў, Я. Я. (2000) Семантыка беларускіх афарызмаў // Весці Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта. № 2. С. 94–99. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2017) Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 208 с. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 44–52. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2022) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 1. С. 75–79. (На белорус. яз.)

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Лепешаў, І. Я. (2006) Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы. 279 с. (На белорус. яз.)

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Лопсан, А. П. (2022) Гендерные стереотипы в пословицах и поговорках тувинского языка // Вестник Тувинского государственного университета. Серия 1: Социальные и гуманитарные науки. № 4 (100). С. 44–53.

Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Тема родства в русских и тувинских паремиях как отражение традиционных семейных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 3 (74). С. 136–153.

Монгуш, Ш. В. (2023) Роль паремий в репрезентации концепта охота в тувинской лингвокультуре // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 758–762.

Нелюбова, Н. Ю. (2022a) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю. (2022b) Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 169–177.

Нелюбова, Н. Ю. (2023) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 2 (53). С. 458–465.

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Петрушевская, Ю. А. (2024) Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 230–246. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.).

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чеп 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Янкоўскі, М. А. (1971) Паэтыка беларускіх прыказак. Мінск : Вышэйшая школа. 159 с. (На белорус. яз.)

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 01.02.2024 г.

Дата принятия: 09.03.2024 г.

REFERENCES

Baizhanova, N. R. (2004) Metaphorical images characterizing a person in Altai proverbs (in comparison with Tuvan ones). In: *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. Ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova and A. R. Tazranova. Novosibirsk, NGU Publ. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) The formation of the image of a woman in Tuvan and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bytotova, R. S. (2020) Man and his characteristics in Russian and Tuvan proverbs and sayings as a reflection of national value orientations in the linguistic picture of the world. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 3 (64), pp. 22–33. (In Russ.).

Varlamova, I. Yu., Budil'tseva, M. B., Pugachev, I. A. and Kuular, E. M. (2023) The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 44–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component cec as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanishcheva, O. N. and Mentsze, Lian (2021) The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 3(41), pp. 106–123. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (4), pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1389. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–233. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaja, Yu. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. (2000) Semantics of Belarusian aphorisms. *Vestsi Gomel'skaga dziazhaunaga universiteta*, no. 2, pp. 94–99. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. (2017) *Aphoristic units in the Belarussian language*. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 208 s. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaja, Yu. A. (2021) The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psichalogiia. Filalogiia*, no. 4, pp. 44–52. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaja, Yu. A. (2022) The main components of a proverb as a linguistic unit are: lexical composition, grammatical organization, formal and structural-semantic variants. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psichalogiia. Filalogiia*, no. 1, pp. 75–79. (In Belarussian).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) The concept of torel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Lepeshau, I. Ia. (2006) *Paremiology as a separate branch of linguistics*. Grodna, GrDU imia Ianki Kupaly. 279 p. (In Belarussian).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Lopsan, A. P. (2022) Gender stereotypes in proverbs and sayings of the Tuvan language. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (100), pp. 44–53. (In Russ.).

Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) The theme of kinship in Russian and Tuvan parodies as a reflection of traditional family values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3 (74), pp. 136–153. (In Russ.).

Mongush, Sh. V. (2023) The role of proverbs in the representation of the concept hunting in Tuva linguacultural. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 758–762. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022a) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Neliubova, N. Yu. (2022b) The axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 169–177. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2023) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan parodies: axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (53), pp. 458–465. (In Russ.).

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Paremiology without Borders (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiology in Discourse (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belarussian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Iu. A. (2023) Tuvan and Belarussian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Petrushevskaya, Yu. A. (2024) Chuvash parallels of Belarussian proverbs (analogous units and identical proverbial models). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 230–246. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) *Linguistic specificity and national peculiarity of the proverbs of the Belarussian language*. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarussian).

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Iankouski, M. A. (1971) *The poetics of Belarussian proverbs*. Minsk, Vysheishaia shkola. 159 p. (In Belarussian).

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 01.02.2024.

Acceptance date: 09.03.2024.